

Когда и где впервые установлено празднованіе памяти Св. Владимира 15 іюля?

(По поводу вопроса об этомъ, поставленнаго въ „Исторіи Русско-Церкви“ профессора Е. Е. Голубинскаго).

Въ „Исторіи Русской Церкви“ проф. Голубинскаго нерѣдко ставятся вопросы относительно такихъ фактовъ, въ которыхъ историкъ не нашелъ возможнымъ придти къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ заключеніямъ. Удачная постановка такихъ вопросовъ составляетъ даже одну изъ цѣнныхъ дисциплинъ науки особенностей критической обработки нашей исторіи въ этомъ трудѣ. Въ удачной постановкѣ вопроса нерѣдко скрывается точка опоры для новаго напряженія мысли, ищущей разъяснить для себя извѣстный фактъ. Такова, меж прочимъ, въ исторіи г. Голубинскаго постановка вопроса, въ которомъ мы хотимъ теперь остановиться. Въ виду того, что вопросъ, касающійся памяти Просвѣтителя Россіи, можетъ интересовать и неспеціалистовъ и что не всѣмъ изъ нихъ могутъ быть довольно извѣстны тѣ или другія частности вопроса, знакомство съ которыми необходимо для сужденія о томъ, насколько удастся намъ рѣшеніе его, считаемъ умѣстнымъ говорить о дѣлѣ съ нѣскольکو большею обстоятельностью, чѣмъ это требовалось бы въ иномъ случаѣ.

Существуетъ довольно давнее мнѣніе, что празднованіе памяти Св. Владимира, какъ уже святаго, установлено и началось у насъ еще при сынѣ его в. кн. Ярославѣ, съ вѣ въ Кіевѣ. Мнѣніе это должно быть теперь оставлено, какъ уже доказалъ и г. Голубинскій. *Единственнымъ* основаниемъ такого мнѣнія представляются извѣстныя выраж-

о Владимирѣ м. Иларіона, Іакова монаха и автора „житія“ Владимірова. Иларіонъ въ своей похвалѣ Владиміру (составляющей часть извѣстнаго Слова его), обращается съ молитвою къ нему, какъ уже стяжавшему за свои благія дѣла воздаяніе на небесахъ, наслаждающемуся лицезрѣніемъ Господа, и призываетъ его молиться о Русской землѣ, о Русскихъ людяхъ, о сынѣ своемъ Георгіѣ (Ярославѣ) и проч. Іаковъ обращается къ нему съ словами: „о блаженный и треблаженный княже, Володимире... Мзда твоя многа зѣло предъ Богомъ“. Ниже онъ уподобляетъ его святымъ царямъ—Давиду, Езекии, Константину. Авторъ „житія“ къ подобнымъ ублаженіямъ и величаніямъ присоединяетъ и собственную молитву къ Владиміру. Все это выражаетъ личное благоговѣніе авторовъ къ памяти Владиміра, личную вѣру ихъ въ то, что онъ за свои дѣла удостоенъ небеснаго воздаянія и блаженства. Такую вѣру раздѣляли съ ними конечно и лучшіе изъ современныхъ имъ христіанъ русскихъ. Но все это еще не означаетъ, чтобы память Владиміра чествовалась и праздновалась, какъ святого, внесеннаго въ памяти святыхъ, въ церковные мѣсяцесловы или святцы, съ пріуроченіемъ ея и службы ему къ извѣстному дню, какимъ имѣлъ бытъ и былъ потомъ день успенія его 15 іюля. Выраженія, подобныя вышеприведеннымъ выраженіямъ о св. Владимирѣ, довольно обычны въ похвальныхъ и поминальныхъ рѣчахъ вообще о лицахъ, отличившихся при жизни дѣлами благочестія и заслугами для церкви, не стоявшихъ однако и не стоящихъ въ ликѣ причтенныхъ къ святымъ. Тоже должно сказать и о самыхъ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Владиміру въ похвалахъ и житіи. Такія обращенія были обычны въ похвальныхъ и поминальныхъ рѣчахъ о достойныхъ, особенно дорогихъ или почитаемыхъ лицахъ, какъ довольно обычны и теперь напр. въ надгробныхъ рѣчахъ о нихъ. А въ древней Руси была еще особенная вѣра въ силу молитвъ почившихъ отцовъ и дѣдовъ о своихъ дѣтяхъ и родичахъ, такъ что лѣтописцы, говоря напр. о побѣдахъ князей нерѣдко приписываютъ ихъ молитвамъ ихъ отцовъ,—та-

кихъ именно, которые никогда не были причислены къ лику святыхъ. Тѣмъ естественнѣе была вѣра въ молитвы Владимира о своемъ сынѣ и его семьѣ и вообще о русской землѣ и русскихъ людяхъ. Но это, опять скажемъ, не означаетъ, чтобы во время Иларіона при Ярославѣ и потомъ во время названныхъ выше авторовъ существовало уже церковное чествованіе и празднованіе памяти Владимира, какъ святого, канонизованнаго церковію.

Между тѣмъ есть слѣдующія достаточно ясныя и твердыя указанія на то, что такого празднованія не существовало ни при Ярославѣ, ни потомъ до самаго конца домонгольского періода:

1. Сами авторы похвалъ Иларіонъ и Іаковъ монахъ, также авторы житія и лѣтописной повѣсти о Владимирѣ, писавшіе уже въ XII в., не называютъ его *святѣмъ*. Въ заглавіяхъ своихъ сочиненій Иларіонъ называетъ Владимира просто „каганомъ нашимъ“, а Іаковъ выражается: „память и похвала князю русскому Володимеру“ и проч. А авторъ житія начинается: „житіе блаженнаго Володимера“¹⁾. Сказаніе же Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ, уже канонизованныхъ въ его время, озаглавлено: сказаніе страстей и похвала объ убьеніи *святую мучениму* Бориса и Глѣба. Да и проложное сказаніе о Владимирѣ, въ прологѣ 1400 г., т. е. того времени, какъ онъ уже былъ канонизованъ, озаглавляется: „Въ день (15 іюля) *святого* князя Володимира, крестившаго всю русскую Землю“.

2. Іаковъ монахъ, авторъ житія и авторъ лѣтописной повѣсти прямо свидѣтельствуютъ, что въ ихъ время еще не были открыты мощи его, не были ознаменованы чудесами, что считалось бы уже началомъ прославленія и канонизаціи его какъ святого. Первый успокоиваетъ русскихъ относительно того, что Владимиръ не творить чудесъ по своей смерти и, поучая словами Златоуста, что праведность и

1) Послѣдній впрочемъ одинъ разъ въ концѣ житія выражается: о святая цари Констангине и Володимере! Очевидно, *святая* употреблено здѣсь ради Константина а по личному благоговѣнію автора житія къ св. Владимиру.

святость познается не отъ чудесъ, а отъ дѣлъ, все таки и при этомъ случаѣ удерживается прямо назвать Владимира святымъ, довольствуясь словомъ „блаженный“. Последніе два укоряютъ современныхъ имъ русскихъ людей (т. е. XII в.), что они не достаточно воздаютъ Владимиру за его великія дѣла и заслуги, что если бы они съ должнымъ тщаніемъ *молились за него* въ день преставленія его, то Богъ, видя такое тщаніе наше, прославилъ бы его. Такимъ образомъ во время названныхъ авторовъ Владимиръ въ церковныхъ памятяхъ былъ такимъ лицомъ, *за котораго молились, а не которому молились* въ церкви. Авторъ повѣсти, побуждая къ болѣе тщательной молитвѣ за Владимира, и самъ обращается къ нему съ молитвеннымъ пожеланіемъ: „даждь ти Господь по сердцу твоему и вся прошенія твоя исполни, еже желаше царства небеснаго; даждь ти Господь вѣнецъ съ праведными, въ пици райстѣй веселье и проч.“... Такъ бы не выразился жизнеописатель, если бы представлялъ Владимира уже церковію причтеннымъ къ лику святыхъ.

3. Въ двухъ древнихъ „Словахъ“, относимыхъ съ вѣроятностію къ домонгольскому періоду и упоминающихъ рядомъ съ святыми греческими и русскихъ, имя св. Владимира еще не ставится. Таково—Слово въ субботу сыропустную, (егда) памяти творимъ святыхъ отецъ. „Послѣ исчисленія прославленныхъ подвижниками мѣстъ Египта, Сиріи и Греціи авторъ называетъ и *новопросіявшую въ Руси Печеру*. Послѣ святыхъ греческихъ прославляетъ Антонія, начальника блаженному житію въ Руси, наченшаго великую Лавру, и Θεодосія, по немъ ее создавшаго, и ублажаетъ съ мучениками князя-инока Игоря Ольговича, невинно убитаго Киевлянами въ 1147 г.“ Таково—Слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ, въ которомъ Русская земля называется „новопросвѣщенною и въ которомъ прославляются русскіе святые—мученики Борисъ и Глѣбъ и святой игумень Печерскій Θεодосій, русскихъ черноризенъ старѣйшина“ (Исторія Р. Церкви. Періодъ первый, Киевскій или домонгольскій. Первая по-

ловина тома. Стр. 677—678). Свидѣтельство этихъ словъ тѣмъ въ частности важно, что оба слова принадлежатъ безъ сомнѣнія Киевской, вообще Южной Руси, что первое писано не ранѣе пол. XII в. что слѣд. здѣсь и въ это еще время Владимиръ еще не считался прославленнымъ какъ святой, ибо въ противномъ случаѣ трудно представить, почему бы авторы слова забыли упомянуть и его рядомъ съ Борисомъ и Глѣбомъ.

4. Ни въ одномъ изъ древнихъ святцевъ, относимыхъ къ домонгольскому періоду и ближайшему къ нему времени, не означается памяти св. Владимира, „хотя между сими святцами мы знаемъ такіе, писцы которыхъ имѣли очевидное намѣреніе внести имена русскихъ какъ можно полнѣе, каковы напр. святцы Румянцевскаго Обиходника XIII в., напечатанные преосв. Макаріемъ,—т. III. по изд. 2. прилож. 5 (Тамъ же вторая половина тома стр. 339). Именно въ этомъ Обиходникѣ значатся слѣдующія памяти русскихъ святыхъ и дни установленныхъ въ Россіи праздниковъ: 5-го сент. убіеніе Глѣба князя русскаго; 2 мая—перенесеніе мощей святыю новоявленную мученику, брату—Бориса и Глѣба; 3 мая—Ѳеодосія игумена Печерскаго; 9 мая—перенесеніе мощей святаго великаго святителя Николая (праздникъ, не существовавшій въ греческихъ святцахъ); 12 мая—*освященіе (церкви) святыя Богородицы, иже въ Києвъ, Владимиромъ княземъ*; 31 мая—перенесеніе мощей святаго отца Ѳеодосія, игумена Печерскаго; 24 іюля—страсть святыю мученику Бориса и Глѣба. Невозможно допустить, чтобы писецъ „Обиходника“, означая день убіенія Глѣба, страсть Бориса и Глѣба въ день убіенія перваго, день перенесенія мощей ихъ, даже день освященія построенной Владимиромъ церкви, забылъ бы означить и память самаго Владимира, если бы она тогда уже чествовалась, какъ память святаго, внесеннымъ въ святцы. Между тѣмъ подъ 15 іюля значится въ Обиходникѣ только память святыхъ мучениковъ Кирика и Улиты.

5. Послѣ начальной лѣтописи и находящейся въ ней повѣсти о крещеніи Владимира и крещеніи имъ Русской земли, не называютъ Владимира святымъ и всѣ дальнѣйшія лѣтописи въ періодъ домонгольскій, каковы: Кіевская и Кіево-Суздальская въ Лаврентьевскомъ спискѣ, Кіевская и Галицко-Волынская въ Ипатскомъ спискѣ и Новгородская въ 1-й Новгородской лѣтописи. Не даютъ онѣ Владимиру такого названія даже тамъ, гдѣ оно, такъ сказать, само напрашивалось (если бы уже было усвоено ему церковію, преданіемъ), какъ напр. тамъ, гдѣ лѣтопись поминаетъ христіанскія дѣла Владимира или желаетъ дать ему характеристическій эпитетъ. Въ первомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто Лаврентьевской лѣтописи подъ 1169¹ годомъ: „Въ то же лѣто чудо сотвори Богъ и святая Богородица церкви Десятинныя въ Києвѣ, юже бѣ создалъ Володимерь, иже бѣ крестилъ землю русскую и далъ бѣ десятину церкви той по всей русьстѣй землѣ“. Во второмъ отношеніи—слѣдующее мѣсто Ипатской лѣтописи подъ 1229 годомъ, говорящей здѣсь о походѣ Даниила Романовича Галицкаго въ землю Лядскую (Польскую): „иной князь не входилъ бѣ въ землю Лядскую толь глубоко, проче Володимера великаго (*а не святаю*), иже бѣ землю крестилъ“. Припомнимъ кстаті, что и слово о Полку Игоревѣ называетъ его „онимъ старымъ Владимиромъ“, а не святымъ. Но особенно важное значеніе имѣютъ здѣсь слѣдующія два мѣста изъ лѣтописей. Извѣстно, что лѣтописи въ своихъ извѣстіяхъ о событіяхъ имѣютъ обычай обозначать дни этихъ событій не числами только мѣсяцевъ, а также и даже чаще памятями святыхъ, значащимися въ церковныхъ мѣсяцесловахъ или святцахъ. Въ записяхъ о событіяхъ, случившихся 15 іюля, онѣ обозначаютъ памяти греческихъ святыхъ, но не ставятъ рядомъ съ ними памяти Владимира. Такъ Лаврентьевская лѣтопись подъ 1200 годомъ говоритъ: „того же лѣта, мѣсяца Іулія въ 15 день, на память св. Кирика и Іулиты, заложилъ благовѣрный князь Всеволодъ Георгіевичъ церковь каменну, во имя святой Бо-

городици Успенія, въ монастырѣ княгининѣ, при блаженномъ епископѣ Іоаннѣ“. Новгородская первая лѣтопись подъ 1240 годомъ, говоря о знаменитой побѣдѣ Александра Невского надъ Шведами на р. Невѣ при устьѣ Ижоры, одержанной имъ 15 іюли, выражается, что Александръ побѣдилъ Шведовъ „силою святыя Софья и молитвами Владычица наша Богородица и приснодѣвица Марія, мѣсяца іюля въ 15, на память святого Кюрика и Улиты, въ недѣлю на сборъ святыхъ отецъ 630, иже въ Халкидонѣ“. Последняя запись особенно замѣчательна и своею обстоятельностью и еще болѣе характеромъ описываемаго событія, и здѣсь полную силу имѣетъ слѣдующее соображеніе г. Голубинскаго по поводу этой записи: „если бы тогда уже праздновалась память Владимира, то какъ бы лѣтописецъ не вспомнилъ о крестителѣ Руси, который, бывъ причисленъ къ лику святыхъ, естественно, началъ бы быть считаемъ и ея нарочитымъ патронномъ, и какъ бы лѣтописецъ не приписалъ побѣды его заступленію, и слѣдовательно какъ бы опустилъ и забылъ выставить имя его“. Сила такого соображенія вполнѣ оправдывается и тѣмъ, что въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ записяхъ, воспроизводящихъ запись 1240 года, но относящихся къ тому времени, когда Владимиръ уже причисленъ былъ къ святымъ, къ памятямъ Кирика и Улиты и отцовъ Халкидонскаго собора, присоединяется уже и память Владимира. Несомнѣнно такимъ образомъ, что до 15 іюля 1240 года включительно онъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ, и память его не значилась въ святцахъ, какъ то подтверждаютъ святцы Обиходника XIII в.

Все доселѣ сказанное въ подтвержденіе положенія, что празднованіе памяти Владимира не существовало ни при Ярославѣ, ни потомъ до конца домонгольскаго періода или точнѣе до 15 іюля 1240 года включительно,—все это, представляя въ большей части только повтореніе сказаннаго въ первой и второй половинѣ перваго тома Истории Русской Церкви проф. Голубинскаго, не требовалось прямою

цѣлю настоящей замѣтки, но казалось намъ не лишнимъ въ объясненныхъ выше видахъ. Переходимъ къ вопросу, поставленному г. Голубинскимъ.

Останавливаясь на записи о событіи 15 іюля 1240 года, какъ младшей изъ лѣтописныхъ записей, дающей знать, что тогда еще не было установлено празднованіе памяти Владимира, историкъ говоритъ: „Послѣ 1240 г. празднованіе памяти Владимира было установлено *когда-то* до 1311 года, ибо въ этомъ послѣднемъ году архіепископъ Новгородскій Давидъ поставилъ церковь во имя его на однихъ изъ воротъ своего Софійскаго Кремля (Новг. 1. лѣт. подъ 1311 г. гп.)“. Это, безспорно, такъ. Въ примѣчаніи же къ этому мѣсту въ своей „Исторіи“, авторъ прибавляетъ: „въ Ипатской лѣтописи Владимиръ называется святымъ подъ 1254 годомъ; но составляетъ вопросъ—не позднѣйшая ли это приписка или поправка изъ „великій“, какъ подъ 1229 г. А что касается до позднѣйшихъ приписокъ, то сравнивай приведенную запись Новгородской 1-й лѣтописи 1240 г. съ ея воспроизведеніемъ въ Софійскомъ Временникѣ подъ 1241 г. и въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1263 г.“, при какомъ воспроизведеніи, прибавимъ мы для сторонняго читателя, въ Софійскомъ Временникѣ къ памяти Кирика и Улиты и въ Лаврентьевской лѣтописи къ памятямъ ихъ и халкидонскаго собора присоединяется и память *святаго князя Володимера, крестившаго русскую землю*. Въ виду этого обстоятельства, г. Голубинскій заканчиваетъ примѣчаніе постановкою вопроса: „не Александръ ли Невскій установилъ празднованіе памяти Владимира, побужденный тѣмъ, что въ день кончины его одержалъ свою знаменитую побѣду?“ Постановка вопроса представляется намъ весьма естественною и удачною. Но попробуемъ еще подойти къ вопросу съ другой стороны для болѣе надежнаго отвѣта на него.

Имѣемъ службу св. Владимиру, которая извѣстна г. Голубинскому по спискамъ не ранѣе XV вѣка, и которую другіе находили въ спискахъ болѣе ранняго времени, даже

XIII вѣка. Но для сужденія о времени начальнаго составленія службы есть указанія въ ней самой. Въ службѣ Кіевъ называется „велимъ градомъ“, и русскіе люди приглашаются *считися „къ честнѣй церкви Владимира прѣблаженнаго“*. Такъ какъ послѣ нашествія монголовъ Кіевъ пересталъ быть велимъ градомъ и Владимірова т. е. Десятинная церковь перестала существовать, повергнутая въ развалины; то въ приведенныхъ выше выраженіяхъ находятъ весьма ясное и рѣшительное доказательство, что служба составлена еще до нашествія Монголовъ, что слѣд. и празднованіе памяти Владиміра установлено до нашествія Монголовъ. Вполнѣ соглашаемся съ г. Голубинскимъ, что служба написана была не въ концѣ XI или началѣ XII в. (какъ утверждаютъ нѣкоторые), а позже, какъ потому что для творцевъ службы Владиміръ не дѣдъ или прадѣдъ, а праотець, такъ и потому что ни въ концѣ XI, ни въ началѣ XII в. еще не было празднованія Владиміру. Но трудно согласиться съ слѣдующими затѣмъ соображеніями. „Не невозможно, говоритъ г. Голубинскій, что служба дѣйствительно написана уже въ періодъ домонгольскій; въ этомъ случаѣ дѣло должно будетъ понимать такъ, что неизвѣстнымъ ревнителемъ памяти Владиміра она была составлена задолго до того, какъ было установлено ему празднованіе. Гораздо же вѣроятнѣе понимать дѣло такъ, что позднѣйшіе творцы службы переносятъ въ обстановку домонгольскаго періода просто въ своемъ воображеніи для приданія своему представленію большей наглядности и для сего пользуются такъ называемою ораторскою вольностію“. Въ примѣчаніи онъ прибавляетъ еще: „И если они были жителями сѣвера: Новгорода или Владиміра—Москвы, то могли и не знать, что послѣ нашествія монголовъ Кіевъ пересталъ быть велимъ градомъ и что Десятинная церковь (въ которой погребенъ былъ Владиміръ) перестала существовать“. На томъ, что самъ авторъ считаетъ только не невозможнымъ, но менѣе вѣроятнымъ, можно и не останавливаться, тѣмъ болѣе, что вообще службы

составлялись у насъ не до, а послѣ установленія праздничной памяти святого или одновременно съ этимъ. Но также труднымъ представляется приведенныя выраженія службы толковать въ смыслѣ приѣма ораторской вольности. Данная служба, сколько можно судить о ней, не есть ораторское произведеніе, смѣлое на вольности. Въ ней примѣтны черты простоты. Въ данномъ случаѣ выраженія службы таковы, что располагають къ пониманію ихъ въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ, т. е. что творецъ службы дѣйствительно представлялъ себѣ Кіевъ велимъ градомъ, могущимъ веселиться и радоваться въ день Владимира, представлялъ церковь Владимирову стоящую въ Кіевѣ еще въ цѣлости, въ благолѣпномъ украшеніи, полученномъ отъ Владимира. Историкъ чувствовалъ потребность или не исключалъ возможности пониманія выражений службы въ этомъ прямомъ смыслѣ, такъ что счелъ умѣстнымъ присоединить еще оговорку, что если творцы службы были жители сѣвера, то могли и не знать, что послѣ нашествія монголовъ Кіевъ пересталъ быть велимъ градомъ и Десятинная церковь перестала существовать. Но совершенно съ такою же вѣроятностію, намъ кажется, можно сказать и то, что о монгольскомъ разореніи Кіева и его положеніи послѣ этой катастрофы могли очень скоро знать на сѣверѣ, какъ во Владимірѣ, такъ особенно въ Новгородѣ, для котораго даже его обширныя торговыя сношенія съ важнѣйшими городами русскими, въ томъ числѣ и съ Кіевомъ, открывали способы къ полученію свѣденій объ этихъ городахъ. Все это впрочемъ не главное. Главное для насъ то, что въ вопросѣ о времени составленія службы, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ вопросѣ о занимающихъ насъ выраженіяхъ въ этой службѣ, можно обойтись и безъ тѣхъ, нѣсколько искусственныхъ, объясненій, какія сейчасъ указаны.

Имѣемъ несомнѣнный фактъ, что 15 іюля 1240 года еще не существовало празднованія памяти Владимиру; служба же ему, составленная, конечно, по установленіи этого празднованія, составлена однакоже тогда, когда Кіевъ былъ

велимъ градомъ и церковь Десятинная продолжала существовать. Но послѣ 15 іюля 1240 года Кіевъ еще продолжалъ быть велимъ градомъ и Десятинная церковь продолжала существовать—до 6 декабря того же года, когда на Николинъ день Кіевъ разоренъ монголами и Десятинная церковь, подобно другимъ, обращена въ развалины. Итакъ мы имѣемъ два момента, изъ коихъ рѣше одного и позже другого не могла быть составлена служба; здѣсь,— между этими моментами должно искать времени, когда установлено и празднованіе Владимиру, а для празднованія составлена и служба. Этотъ выводъ о времени составленія службы имѣетъ ту особенную силу убѣдительности, что есть самый простой, непосредственно слѣдующій изъ имѣющихся данныхъ, совершенно примиряющій кажущіяся противурѣчія между ними, вполне оправдывающій прямой, буквальный смыслъ выраженій службы, слѣд. выводъ единственно и исключительно возможный—на нашъ взглядъ. Но этотъ же выводъ даетъ видѣть, какъ догадливо и удачно оставленъ проф. Голубинскимъ вышеприведенный вопросъ о времени и мѣстѣ установленія праздника Владимиру? Теперь почти готовъ отвѣтъ на этотъ вопросъ,—отвѣтъ предполагаемый самимъ вопросомъ.

Прежде всего изъ вывода о времени установленія празднованія Владимиру необходимо слѣдуетъ, что оно установлено не въ Кіевѣ. Свидѣтельство Новгородской лѣтописи подъ 1240 г., показывающее что 15 іюля этого года еще не существовало празднованія Владимиру, имѣетъ свое полное значеніе и относительно Кіева, въ виду цѣлаго ряда данныхъ, убѣждающихъ, что такого празднованія не существовало ни въ Кіевѣ, ни вообще въ Руси—ни въ ближайшее, ни въ дальнѣйшее отъ этого момента время. Но если въ Кіевѣ въ теченіи болѣе двухъ вѣковъ не нашлось побужденія или повода къ установленію такого празднованія, то какое побужденіе, какой особенный поводъ къ тому могли найти здѣсь въ моментъ съ 15 іюля по 6 декабря? И кто бы здѣсь взялъ

на себя починъ такого дѣла? Митрополитъ, какимъ былъ тогда Іосифъ, послѣдній митрополитъ домонгольскаго періода? Но помимо совершенной неизвѣстности за нимъ какой либо дѣятельности, подобное предположеніе исключается уже тѣмъ фактомъ, что митрополиты греки не были расположены устанавливать праздники русскимъ святымъ. М. Георгій „бѣ невѣрствуя“ прославлецію св. Бориса и Глѣба даже тогда, когда они уже считались у насъ прославленными. Въ дѣлѣ канонизаціи преп. Θεодосія печерскаго было такъ, что печерскій игумень Θεоктистъ обратился по этому дѣлу не къ митрополиту, а къ князю Святополку, чтобы онъ *повелѣлъ* митрополиту вписать память Θεодосія въ соборные синодики. И въ дѣлѣ канонизаціи Владимира починъ имѣлъ принадлежать князю. Но Кіевъ въ годъ нашествія монголовъ оставался уже безъ князя. Что затѣмъ, послѣ Кіева, ни въ одномъ изъ стольно-княжескихъ и епископскихъ городовъ главнѣйшихъ тогда областей Суздальской и Волыско-галицкой не могло въ данный историческій моментъ совершиться установленіе праздника,—этого не нужно и доказывать. Остается Новгородъ. Онъ одинъ въ данный историческій моментъ былъ въ такомъ положеніи, при которомъ могло совершиться въ немъ подобное дѣло. Онъ не былъ разрушенъ монголами и не находился подъ угрозою такого разрушенія. Онъ имѣлъ князя и архіепископа. А главное, въ немъ случилось теперь событіе, могшее послужить прямымъ побужденіемъ къ установленію празднованія. Это именно Невская побѣда, послѣдовавшая въ день усненія Владимира 15 іюля. Герой побѣднаго дѣла, Александръ Невскій, князь притомъ весьма благочестивый, имѣлъ и побужденіе и усердіе и власть, совмѣстно съ архіепископомъ Спиридономъ, установить празднованіе. Въ древней Руси, такъ же и въ Новгородѣ, было въ обычаѣ ознаменовывать память славныхъ побѣдъ дѣлами благочестія, въ частности дни побѣдъ установленіемъ религіозныхъ торжествъ. А Невская побѣда была одной изъ славнѣйшихъ и сопровождалась силь-

нымъ религіознымъ одушевленіемъ. При желаніи ознаменовать день побѣды, само собою представлялось знаменательнымъ то обстоятельство, что побѣда одержана въ день успенія Владимира. День этотъ не значился въ памятникахъ святыхъ, но такимъ лицамъ, какъ Александръ и архіепископъ, былъ извѣстенъ изъ лѣтописей и др. сказаній о Владимирѣ, а многимъ могъ быть извѣстенъ изъ поминальныхъ записей или синодиковъ. Очень вѣроятно, что въ день успенія Владимира издавна совершались поминальныя молитвы о немъ, какъ можно заключить изъ словъ упомянутыхъ выше писателей XII вѣка, внушавшихъ русскимъ христіанамъ со тщаніемъ совершать молитвы за Владимира въ день успенія его, чтобы Богъ прославилъ его. Такимъ образомъ поминальное моленье о Владимирѣ совершалось въ *чаяніи прославленія ея*. Прославленіе имѣло быть свидѣтельствовано какимъ либо чудомъ или знаменіемъ. Такимъ знаменіемъ и представлялось совпаденіе дня славной побѣды съ днемъ успенія и поминанія Владимира. Ибо существовало представленіе, по которому побѣда, если обстоятельства ея находились въ извѣстномъ отношеніи къ чтимымъ лицамъ или святынямъ, признавалось чудомъ, и чудо приписывалось покровительству этихъ лицъ и святынь. Владимиръ былъ чтимъ хотя не какъ святой уже прославленный, внесенный въ памяти святыхъ (коимъ не былъ), но какъ блаженный, какъ *святой чаемый*. Древніе князья наши, какъ было уже замѣчено выше, были настроены счастливыя событія жизни, напр. побѣды, избавленіе отъ грозившей опасности приписывать молитвамъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, даже такихъ, которые не были причтены къ лику святыхъ, даже еще живыхъ. Александръ Невскій тѣмъ болѣе могъ приписать свою побѣду, — одержанную въ день поминанія *праотца* всехъ князей русскихъ (какъ называется онъ въ службѣ), что это былъ такой праотецъ, какъ креститель земли русской, какъ блаженный и чаемый святой. А при такой вѣрѣ становилось еще внушительнѣе значеніе побѣды, какъ знаменія, указываю-

щаго, что день успенія Владимира, въ которой она одержана, вмѣсто дня поминальнаго моленія о немъ, долженъ теперь стать днемъ празднованія памяти его, какъ уже святого—прославленнаго.

Если празднованіе установлено послѣ 15 іюля 1240 г. и въ связи съ знаменательнымъ событіемъ этого дня, то естественно предполагать, что оно установлено въ ближайшее къ этому моменту время, когда еще свѣжо было впечатлѣніе отъ событія, какъ знаменія. Предположеніе это подкрѣпляется еще слѣдующимъ соображеніемъ. Александръ Невскій, которому, какъ князю и герою побѣднаго дѣла 15 іюля 1240 г., принадлежалъ починъ въ установленіи празднованія, оставался въ Новгородѣ недолго послѣ 15 іюля. Въ слѣдствіе какихъ-то распрей съ Новгородцами, онъ *зимою того же года* выѣхалъ изъ Новгорода къ отцу своему Ярославу Всеволодовичу въ Переяславль Суздальскій съ матерью, женою и со всѣмъ дворомъ и вновь прибылъ, по усиленной просьбѣ Новгородцевъ, уже въ слѣдующемъ году и при томъ *не ранне* весны, когда уже настала пора орать поля по седамъ; а прибывъ тотчасъ долженъ былъ снаряжаться на новую войну противъ нѣмцевъ, для которой и былъ выпрошенъ Новгородцами у отца, и которая захватила и лѣто (1-я Новгород. Лѣт. подъ 1240—41 г.г.). Нельзя полагать, чтобы празднованіе установлено было послѣ этого новаго прибытія Александра въ Новгородъ и затѣмъ во время войны (когда, конечно, не въ пору было думать о такомъ дѣлѣ), т. е. что оно установлено лѣтомъ 1241 года, ибо до этой поры въ Новгородѣ уже не могли не знать о полномъ разореніи Кіева, его церковей, въ числѣ ихъ Десятинной, и въ службѣ Владимиру, написанной одновременно или вслѣдъ за установленіемъ праздника, не могли бы назвать Кіева велимъ градомъ и проч. Итакъ празднованіе установлено до отъѣзда Александра зимой 1240 г., т. е. до зимы этого года. А это и приближаетъ время установленія ея къ 15 іюлю 1240 года, и служитъ къ подкрѣпленію мы-

сли, что празднованіе установлено въ связи съ событіемъ дня, т. е. съ Невскою побѣдою въ день успенія Владимира.

Сейчасъ сказано, что служба написана одновременно или вслѣдъ за установленіемъ праздника. Она могла быть впрочемъ написана и спустя *нѣкоторое* время по установленіи праздника, ибо если послѣднее могло состояться не иначе, какъ въ бытность Александра въ Новгородѣ, т. е. до зимы 1240 г., то служба могла быть написана и въ его отсутствіе, но во всякомъ случаѣ не позже того, какъ въ Новгородѣ узнали о судьбѣ Кіева и Десятинной церкви, постигшей ихъ 6 декабря 1240 г., слѣд. не позже первыхъ мѣсяцевъ 1241 г.

Кромѣ много разъ упомянутыхъ выраженій службы о Кіевѣ и Кіевской Десятинной церкви, ясно и прямо указывающихъ время, ранѣе и позже котораго она не могла быть написана, нѣтъ ли въ ней еще другихъ выраженій, могущихъ подкрѣплять представленный выводъ о времени и мѣстѣ написанія ея, слѣд. и установленія праздника? На это можно сказать только, что всѣ сколько нибудь характеристическія выраженія службы по крайней мѣрѣ не противурѣчаютъ такому выводу, а нѣкоторыя, быть можетъ, заключаютъ въ себѣ и намеки на время и мѣсто установленія празднованія и составленія службы ¹⁾.

¹⁾ Напр. въ службѣ Владимиръ называется *трагцемъ* русскихъ князей: такое выраженіе о родоначальникѣ, о предкѣ скорѣе всего могло быть употреблено творцемъ службы, жившимъ уже въ очень отдаленное время отъ Владимира, а такимъ временемъ былъ 1240—41 годъ. Служба, прославляя также и св. сыновей Владимира, выражается: да молятся Богу княземъ нашимъ подати *побѣду на поганыхъ враги*. Этихъ поганыхъ враговъ нѣтъ надобности искать въ Печенѣгахъ и Половцахъ (какъ полагалъ преосв. Филаретъ); ихъ можно видѣть именно въ Татарлахъ, тогда уже разорившихъ одну половину Руси и начавшихъ разореніе другой, а можетъ быть и въ тѣхъ Нѣмцахъ, Литовцахъ и др. инородцахъ, съ которыми Новгородцы вели войну въ 1240—1241 годахъ подъ предводительствомъ князя Александра, отчасти и брата его Андрея. Даже прославленіе въ службѣ вмѣстѣ съ Владимиромъ его „честныхъ лѣтраслаей“ Бориса и Глѣба, естественное само по себѣ, быть можетъ, указываетъ на существующее въ болѣе позднемъ сказаніи, но восходившее до эпохи Невской побѣды, вѣрованіе

Нашъ выводъ, что празднованіе памяти св. Владимира впервые установлено въ Новгородѣ и въ связи съ событіемъ 15 іюля 1240 г., есть, какъ мы замѣтили, прямой отвѣтъ на вопросъ, поставленный профессоромъ Голубинскимъ: не Александръ ли Невскій установилъ это празднованіе, побужденный тѣмъ, что въ день этотъ одержалъ свою побѣду? Естественно, что онъ найдетъ новое подкрѣпленіе въ тѣхъ указаніяхъ, какими мотивированъ вопросъ. А мотивированъ онъ тѣмъ, что запись 1-ой Новгородской лѣтописи, говоря о Невской побѣдѣ 15 іюля 1240 г. и обозначая день побѣды памятными греческихъ святыхъ, не присоединяетъ къ нимъ памяти Владимира, тогда какъ въ воспроизведеніяхъ этой записи въ Софійскомъ Временникѣ подъ 1241 г. и въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1263 г. уже присоединяется и память св. Владимира. Начнемъ съ послѣдней. Запись, которая находится здѣсь въ Сказаніи объ Александрѣ Невскомъ, помѣщенномъ

(видѣніе Пелгусія) о помощи въ этой побѣдѣ отъ св. Бориса и Глѣба, къ которымъ, по тому же сказанію, имѣлъ вѣру и самъ Александръ. Дѣлаемъ эту оговорку въ виду слышаннаго возраженія, что побѣда Невская въ сказаніи приписывалась Борису и Глѣбу, а не Владимиру, потому и не могла служить поводомъ къ ознаменованію совпавшаго съ нею дня успенія Владимира установленіемъ праздника ему. Вѣра въ заступничество св. Бориса и Глѣба была уже повсюдною на Руси; но она, конечно, не мѣшала возникнуть и новому вѣрованію въ заступничество блаж. отца ихъ. Отсюда, по поводу прославленія Бориса и Глѣба въ службѣ Владимиру и притомъ съ выраженіемъ любовію *празднуемъ* (память ихъ)—можетъ быть до нѣкоторой степени умѣстенъ вопросъ: не было ли первое благодарственное пѣніе Владимиру по поводу побѣды, одержанной въ день успенія его, вознесено въ ближайшій затѣмъ день праздника Бориса и Глѣба 24 іюля? А это еще болѣе могло бы настроить къ мысли о празднованіи дня блаж. отца ихъ, по вѣрѣ, что этотъ день нарочито и знаменательно прославленъ св. сыновьями его, даровавшими въ этотъ день побѣду. Въ составленной при такихъ обстоятельствахъ службѣ Владимиру естественно было прославлять купно съ нимъ и его св. лѣторосли. Выписки изъ древнихъ списковъ службы Владимиру см. у преосв. Филарета (Обзоръ § 22) и у г. Голубинскаго (Вторая половина 1 тома ея Исторіи Р. Ц. стр. 442—444).

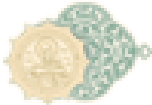
слѣдъ за извѣстіемъ о послѣдовавшей въ этомъ году кончинѣ его. Въ разсказѣ о Невской побѣдѣ Александра здѣсь говорится: „И прииде на ня (шведовъ) въ день воскресенья, на память св. отецъ 600 и 30 бывша Збора въ Халкидонѣ, и святого мученику Кирика и Улиты, и святого князя Владимира, крестившаго Русскую землю“. Авторъ Сказанія объ Александрѣ былъ, какъ самъ говоритъ, современникомъ князя и зналъ его лично и близко. При несуществованіи причины предполагать, что въ его записи о днѣ побѣды приписка памяти Владимира была позднѣйшею, не ему принадлежащею, запись его получаетъ особенное значеніе. Это могла быть запись самостоятельная, независимая отъ Новгородской лѣтописной записи, съ которою она неполнѣ сходится и въ обозначеніи греческихъ памятей 15 іюля (означая ихъ въ другомъ порядкѣ). Слѣд. она есть самостоятельное свидѣтельство современника, близко знавшаго Александра, что при Александрѣ уже существовало празднованіе памяти Владимира 15 іюля, еще не существовавшее въ 1240 г. Отсюда естественное заключеніе, что оно и установлено этимъ княземъ, а въ жизни князя былъ одинъ наиболее подходящій поводъ къ такому установленію—Невская побѣда 15 іюля 1240 года.

Запись Софійскаго Временника или 1 Софійской Лѣтописи подъ 1241 г. находится въ томъ же, помѣщенномъ въ этой лѣтописи подъ означеннымъ годомъ, сказаніи объ Александрѣ, и главнымъ образомъ о его Невскомъ побоищѣ, которое въ Лаврентьевской лѣтописи помѣщено подъ 1263 г. Запись читается такъ: „и прииде (Александръ) на ня (Шведовъ) въ недѣлю на сборъ святыхъ отецъ 630, иже въ Халкидонѣ, на память святого мученику Кирика и Улиты и святого великаго князя Владимира, крестившаго русскую землю и нареченнаго въ святомъ крещеніи Владимира“. Первый составитель Соф. Лѣтописи жилъ въ исходѣ XV в. Слѣдуетъ однако полагать, что онъ взялъ сказаніе не изъ древней Лаврентьевской лѣтописи, а подобно составите-

лю послѣдней, имѣлъ сказаніе въ его отдѣльномъ видѣ. Это можетъ означать, что память Владимира подъ 15 іюля, приписанная въ обѣихъ лѣтописяхъ къ памятямъ греческимъ, не приписана составителями лѣтописей, а найдена приписанною въ самомъ сказаніи, принадлежащемъ современнику Александра, что, какъ было сказано, и является уже свидѣтельствомъ, что въ его время уже чествовалась память Владимира, какъ святого¹⁾). Но запись Софійской Лѣтописи даетъ предполагать еще нѣчто особенное. Почему въ этой лѣтописи сказаніе объ Александрѣ, т. е. о Невской побѣдѣ его, поставлено подъ 1241 г., такъ что къ этому именно году лѣтопись относилась и самую побѣду, случившуюся не въ этомъ, а въ 1240 г.²⁾? Есть ли это случайная ошибка, или она имѣла какое либо основаніе? Если имѣла, то такимъ основаніемъ могла служить какая либо церковная записъ, говорившая о первомъ празднованіи памяти Владимира 15 іюля, которое имѣло мѣсто въ 1241 году, съ упоминаніемъ о побѣдѣ, дарованной въ день успенія или памяти Владимира. Подъ вліяніемъ такой записи, составитель лѣтописи отнесъ къ 1241 году и самую эту побѣду, помѣстивъ подъ нимъ и сказаніе, описывающее побѣду. Если такъ, то свидѣтельство Софійской лѣтописи подъ 1241 г. можетъ быть понимаемо, какъ самое раннее по своему начальному источнику и притомъ именно *Новгородское* свидѣтельство, дающее заключать о времени и мѣстѣ установленія празднованія Владимиру, вполне гармонирующее съ тѣмъ выводомъ по сему предмету, какой выше полученъ нами другимъ путемъ. Наконецъ совокупность данныхъ и соображеній въ пользу

¹⁾ Въ редакціи сказанія, помѣщенной въ 1-й Псковской лѣтописи, не означаетъ однакоже памяти Владимира подъ 15 іюля. Но въ ней не означены въ данномъ случаѣ и памяти греческихъ святыхъ, а сказано только, что побѣда Невская была 15 іюля.

²⁾ Впрочемъ въ одномъ спискѣ 1-й Софійской лѣтописи сказаніе поставлено не подъ 1241 г., а подъ 1240 г.,—но *только въ одномъ* (П. Собр. Р. Л. V. стр. 176. примѣч. подъ буквою з).

Новгорода, какъ мѣста, гдѣ впервые установлено празднованіе Владимиру, восполняется фактомъ построенія первой во всей Руси церкви во имя св. Владимира именно въ Новгородѣ, какова церковь построенная архіеп. Давидомъ въ 1311 г.

Резюмируя все, заключимъ: празднованіе памяти Владимира установлено впервые въ Новгородѣ, Александромъ Невскимъ, послѣ 15 іюля 1240 г., но въ ближайшее послѣ того время и въ связи съ событіемъ этого года и дня—Невскою побѣдою его, установлено, говоря точнѣе, между 15 іюля и октябремъ этого года, а служба Владимиру написана или тогда же вслѣдъ за установленіемъ празднованія или не много позже—но не позже начала 1241 года, въ которомъ затѣмъ впервые и праздновалась память его 15 іюля, какъ уже святого, внесеннаго въ святцы.

Бывъ впервые установлено въ Новгородѣ, чествованіе памяти Владимира должно было затѣмъ усвоиться и въ другихъ мѣстахъ Руси, особенно болѣе центральныхъ, главныхъ. Такъ несомнѣнно, что оно принято въ Галицко-Волинской Руси. Ипатская лѣтопись, которая съ 1206 г. есть Галицкая, а послѣ 1220 г. Волинская, въ этой послѣдней части своей въ записи подъ 1229 г. называетъ Владимира *великимъ*, а подъ 1254 годомъ уже *святымъ*. Необходимо сопоставить обѣ записи, чтобы судить о причинѣ перемѣны въ эпитетѣ. Запись 1229 года: „иный бо князь не входилъ бѣ въ землю Лядскую толь глубоко, проче Володимера *великаго*, иже бѣ землю крестилъ“. Запись 1254 года: „не бѣ бо въ землѣ Рустѣй первее, иже бы воевалъ землю Чешску, ни Святославъ храбрый, ни Володимеръ *святой*“. Эти записи, стоящія въ одной и той же лѣтописи, дов. близкія по времени, однородныя по характеру, принадлежатъ всего вѣроятнѣе одному лицу, начальному и современному автору Волинской лѣтописи. Почему бы онъ въ первой назвалъ Владимира *великимъ*, во второй *святымъ*? Если бы въ послѣдней записи названіе святой поставлено было позднѣйшимъ пере-

писчикомъ на мѣсто стоявшаго здѣсь до него названія *великій*, то почему бы онъ не сдѣлалъ такой замѣны и въ первой записи? Причина въ томъ и другомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, та, что въ 1229 г. Владимиръ еще не чествовался, какъ святой, а въ 1254 г. уже чествовался, по примѣру, данному изъ Новгорода. Безъ сомнѣнія, онъ чествовался тогда уже въ Суздальской Руси, напр. во Владимирѣ, Череповцѣ, гдѣ могъ установить это чествованіе тотъ же Александръ Невскій. Но союзникомъ благочестиваго князя въ распространеніи чествованія памяти св. Владимира естественно являлся митр. Кирилль (1243—1280 г.). Будучи избранникомъ Даніила Романовича, онъ однако же усерднѣе примкнулъ къ благочестивому Александру Невскому, котораго глубоко уважалъ. Волю его о чествованіи Крестителя Руси, праотца князей русскихъ, онъ могъ исполнять тѣмъ усердиѣе, что былъ вообще пастырь дѣятельный, ревностный о церковномъ благоустроеніи, объ усиленіи вѣры и благочестія въ паствѣ, постигнутой величайшимъ бѣдствіемъ татарскаго разоренія и поробоженія. Весьма вѣроятно, что именно по вліянію Кирилла, какъ митрополита и какъ волынца родомъ, установленное въ Новгородѣ, принятое въ Суздальской Руси, чествованіе памяти Владимира принято и на Волыни, можетъ быть затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ. Весьма вѣроятно, что установленіе празднованія памяти Владимира повліяло на возвышеніе достоинства и на распространеніе и церковнаго устава его имени, древніе списки котораго начинаются именно съ XIII в. Столько же вѣроятно затѣмъ, что и въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ важное участіе принадлежитъ м. Кириллу, извѣстному своею заботливостію объ изданіи и распространеніи церковныхъ правилъ.

Но затѣмъ еще напрашивается вопросъ: если празднованіе памяти Владимира установлено было въ Новгородѣ еще въ 1240 г., а въ ближайшія затѣмъ десятилѣтія у своего и въ другихъ мѣстахъ: то почему первая церковь во имя его явилась въ самомъ Новгородѣ только въ 1311 г., да и за-

тѣмъ долго еще не видимъ такихъ церквей ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ? Но это можетъ быть дано прежде всего такое объясненіе, какое дано и весьма основательно профессоромъ Голубинскимъ на то, почему Владимиръ вскорѣ послѣ кончины его вообще не былъ причтенъ къ лику святыхъ, такъ что въ XII в. ревнители памяти его призывали русскихъ людей тщательнѣе молиться за него въ день успенія его, чтобы Богъ прославилъ его—чудесами отъ его мощей. Къ этому объясненію присоединимъ другое. Первое установленіе празднованія Владимиру случилось въ весьма неудобную пору. Служба ему, составленная при этомъ, говорила о Кіевѣ какъ велиемъ градѣ, могущемъ веселиться и радоваться въ день Владимира, говорила о Владимирской въ Кіевѣ церкви, стоящей въ благолѣпномъ украшеніи, отъ него полученномъ, призывала русскихъ людей сойтись на празднованіе въ эту церковь;—и все это быстро оказалось несуществующимъ. Разрушенъ Кіевъ, разрушена церковь Владимира, и самыя мощи загибли подъ ея развалинами, даже безъ надежды открыть ихъ для чествованія. Какъ бы непригодно становилась и самая служба для даннаго историческаго момента, ибо въ выраженіяхъ ея о Владимировомъ велиемъ градѣ и Владимировой церкви уже не было истины. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и впечатлѣніяхъ только что введенное празднованіе памяти Владимира осталось *въ строгомъ смыслѣ не празднованіемъ, а только чествованіемъ*. Память его внесена въ святцы, но какъ память, такъ сказать, изъ рядовыхъ памятей, а не такихъ, которыя ознаменовываются нарочитымъ празднованіемъ, какъ памяти особенно прославленныхъ святыхъ, какими изъ русскихъ были тогда напр. памяти Бориса и Глѣба. А то, что случилось въ первое время по установленіи чествованія памяти Владимира, вліяло уже и на слѣдующее время. День Владимира не сталъ днемъ празднованія, въ строгомъ смыслѣ, слова, а не ставъ праздникомъ въ собственномъ, специальномъ смыслѣ, не давалъ повода, не возбуждалъ усердія

и строить храмы въ честь Владимира съ храмовымъ праздникомъ для нихъ.

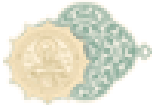
Но бывъ впервые установлено и усвоено въ Сѣверной Руси празднованіе памяти Владимира, понимаемое въ сей-часъ объясненномъ смыслѣ, все таки чтилось, надо полагать, болѣе въ Сѣверной Руси болѣе, чѣмъ Южной, чѣмъ въ самомъ Кіевѣ. М. Кириллъ могъ, конечно, позаботиться о введеніи его и здѣсь. Но онъ такъ мало бывалъ въ Кіевѣ, что вліяніе его здѣсь въ этомъ смыслѣ не могло проявиться достаточно сильно. И если гдѣ, то здѣсь оказывалась неподходящею служба Владимиру, говорящая о его градѣ, какъ о велиемъ и его благолѣпно украшенной церкви. Развалинами церкви, сокрывшими и гробъ Владимира была, такъ сказать, придавлена, ослаблена и самая память о немъ. Жалкая вообще судьба Кіева, продолжавшагося оставаться мелкимъ городкомъ до первыхъ десятилѣтій XIV в., не способствовала сохраненію и оживленію памяти о его славномъ прошломъ, а затѣмъ и о его славномъ князѣ. Съ паденіемъ Кіева власти Литвы, настаетъ лучшая пора для него, и Кіевъ имѣетъ своихъ литовско-русскихъ князей, родоначальномъ которыхъ является какъ разъ съ именемъ Владимира—Владимиръ Ольгердовичъ. Но и теперь память о Владимирѣ была гораздо живѣе въ Сѣверной Руси, гдѣ продолжали властвовать князья его Владимірова племени, хвалившіеся своимъ св. праотцемъ, чѣмъ въ Кіевѣ и Кіевской Руси, гдѣ владѣли князья чуждаго племени. Можно полагать однако, что современникъ Владимира Ольгердовича м. Кипріанъ, вочаще и подолѣе другихъ живавшій въ Кіевѣ, сдѣлалъ здѣсь нѣчто для оживленія памяти о св. Владимирѣ и его чествованія. Но оживленіе это было еще слабо надолго. Тогда какъ въ Кіевѣ возстаивались многія древнія церкви, разрушенныя Монголами, Владимірова Богородичная церковь оставалась въ развалинахъ и никто не позаботился о ея возстановленіи. Возстановляетъ ее (не въ прежнемъ видѣ) митрополитъ изъ иностранцевъ Петръ Могила, открывъ при этомъ и части мощей

Владимира. Послѣ того въ Кіевѣ еще болѣе оживилось и чествованіе памяти Владимира. Кіево-Могилянская коллегія также старалась оживить память о просвѣтителѣ Руси, чему служатъ доказательствомъ и нѣкоторыя произведенія ея представителей, въ частности извѣстная драма Проконювича. Но все таки ни одной церкви въ честь его не было воздвигнуто въ Кіевѣ до 80-хъ годовъ XVIII в., когда на Печерскѣ явилась малая деревянная церковь его имени, перенесенная потомъ на нынѣшнее мѣсто свое. Едва ли не къ этому же времени относится первое устройство Кіевлянами надъ крещатицкимъ источникомъ, какъ предполагаемымъ мѣстомъ крещенія Кіевлянъ, памятника св. Владимиру въ видѣ деревянной часовни, къ которой совершался и крестный ходъ изъ сосѣдней Христорождественской церкви дважды въ годъ: 15 іюня, въ день св. Владимира и 2 мая, въ день перенесенія мощей Бориса и Глѣба ¹⁾. Здѣсь же въ 1802 году кіевскіе граждане, по случаю подтвержденія государемъ Императоромъ Александромъ I старинныхъ правъ Кіевского городского магистрата, построили существующій (въ обновленномъ видѣ) до нынѣ памятникъ, съ двумя надписями, изъ коихъ одна гласитъ: *Святому Владимиру, Просвѣтителю Россіи*. Императоръ Александръ I изъявилъ гражданамъ свое благоволеніе и признательность за это, а м. Серапіонъ въ 1804 г. къ существовавшимъ уже прежнимъ крестнымъ ходамъ къ крещатицкому источнику присоединилъ новый—изъ Софійскаго Собора въ день преполовенія. Эти крестные ходы съ 1843 г. прекратились, въ слѣдствіе начавшихся тогда извѣстныхъ земляныхъ работъ по обвѣямъ сторонамъ мѣстности, а за тѣмъ пришелъ въ запу-

¹⁾ Проложное житіе св. Владимира, въ рукописномъ Прологѣ XIV в., сообщаетъ, что мѣсто крещенія Владимиромъ Кіевлянъ съ самой поры его было въ памяти у нихъ и слыло подъ названіемъ *святого мѣста*. Не ко времени ли м. Кипріана сносится это, впрочемъ единственное, свидѣтельство о святомъ мѣстѣ. О часовнѣ и крестныхъ ходахъ въ ней 15 іюня и 2-го мая. См. Кіевск. Еп. Вѣдомости 1861 г. стр. 753.

стеніе и самый памятникъ 1802 г. Между тѣмъ новымъ наименованіемъ о Владимирѣ послужили для кіевлянъ дѣйствіа м. Евгенія, знатока и любителя древностей по открытію нѣкоторыхъ остатковъ древней Владимировой Десятинной церкви, а затѣмъ и въ связи съ этимъ построение на ея мѣстѣ Новой Десятинной церкви (съ придѣломъ во имя св. Владимира), совершившееся впрочемъ не по почину и не при участіи Кіевлянъ, а усердіемъ и средствами частнаго пріѣзжаго лица (А. С. Аяненкова), въ 1828—1842 г. Правительство съ своей стороны оживило для Кіева память о Владимирѣ, называя его именемъ свои новыя учебныя учрежденія какъ университетъ и военная гимназія (въ которыхъ и церкви св. Владимира) и построивъ величественный памятникъ ему на горѣ противъ стараго въ 1853 г. По наименованіамъ кіевскихъ архипастырей м.м. Исидора и Арсенія, послѣдовало стараніемъ нѣкоторыхъ изъ кіевскихъ жителей, при участіи и городского общества, обновленіе стараго городского памятника надъ крещатицкимъ источникомъ въ 1860—1861 г. а съ послѣдняго года возстановленъ и крестный ходъ къ источнику—уже одинъ разъ въ году, въ день св. Владимира 15 іюля. Наконецъ, еще по мысли м. Филарета, поддержанной его преемниками, и др. представительными лицами Кіева, также и правительствомъ, предпринято на пожертвованія всей Россіи и пособія отъ правительства построение новаго, вѣками ожиданнаго величественнаго храма св. Владимира, близящееся къ концу.

Судьба чествованія памяти св. Владимира представляется довольно знаменательною. Благоговѣнно чтимая ближайшими къ его времени представителями насажденнаго имъ христіанскаго просвѣщенія въ Кіевѣ и Кіевской Руси, она однакоже не была здѣсь ознаменована общимъ церковнымъ чествованіемъ и чрезъ это пришла потомъ въ нѣкоторое забвеніе. Сѣверная Русь, въ лицѣ Новгорода, опережаетъ Кіевъ въ установленіи такого чествованія. Какъ бы по аналогіи съ этимъ, на сѣверѣ оказалась живучѣе и народная

память о Владимірѣ—въ былинахъ о немъ, неизвѣстныхъ въ Южной Руси, и сохранившихся въ Сѣверной Руси и едва ли не живѣе всего на окраинахъ древней Новгородской области. Сѣверная же Русь сохранила и древнія письменныя сказанія и памятники (напр. Уставъ церковный его имени) о немъ, утратившіеся въ Южной Руси, въ частности и въ Кіевѣ, который и самъ надолго утратилъ было свое передовое значеніе въ исторической жизни Руси. Оживленіе памяти св. Владимира въ Кіевѣ почти совпадаетъ съ поворотомъ въ исторіи его, возвращавшимъ ему значеніе церковно-народнаго средоточія для Южной Руси, средоточія ея церковнаго управленія, просвѣщенія, особенно со времени Петра Могилы и затѣмъ направлявшимъ его и край къ политико націальному объединенію съ Сѣверною Русью. Такое оживленіе становится ощутительнѣе съ дальнѣйшимъ укрѣпленіемъ и проясненіемъ у насъ сознанія о томъ племенномъ, политическомъ и церковномъ единствѣ всей земли Русской, всего народа Русскаго, которое на вѣки утверждено величайшимъ дѣломъ св. Владимира, какъ Просвѣтителя Россіи.

Изв. Мамшиевскій.